

Б. Г. Юдин¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК МУЛЬТИПЛИКАТОР КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Современный научно-технический прогресс принято рассматривать как одну из главных (если вообще не главную) движущих сил глобализации. Развиваемую при этом аргументацию можно представить примерно так. Новые технологии, скажем, информационно-коммуникационные (мобильная телефонная связь, Интернет и т. п.) или биомедицинские (профилактические, диагностические, терапевтические и пр.), распространяются по всему миру — пусть и неравномерно, но достаточно быстро.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Сотворение трансчеловека», «Человеческий потенциал как критический ресурс России», «Здоровье человека: факт, норма, ценность», «Этика науки: проблемы и дискуссии» и др. Заместитель председателя Российского комитета по биоэтике при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Главный редактор журнала «Человек». Член редакционного совета журнала «Идеи и идеалы», председатель Российского редакционного совета журнала «Личность. Культура. Общество», член Научного совета по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания».

Каждая такая технология — это, с одной стороны, некоторые устройства, механизмы, препараты, словом, все то, что можно назвать «вещной» стороной технологии. Впрочем, с «вещностью» здесь все не так просто, поскольку к этой стороне технологии надо отнести и то, что можно назвать программным обеспечением, понимая этот термин весьма широко.

С другой стороны, каждая технология — это и способы взаимодействия человека с ее вещным содержанием, то есть какие-то схемы и образцы поведения. По мере того как он знакомится с технологией, осваивает ее, эти схемы и образцы становятся рутинными.

Начиная с этой точки, дальнейшие рассуждения по поводу взаимосвязи между научно-техническим развитием и глобализацией могут идти в двух разных направлениях. В первом случае мы считаем, что вещное содержание технологии однозначно предписывает все то, что может, вооружившись ею, сделать человек, то есть формы и нормы взаимодействия

с ней человека. С позиций этого своеобразного технологического (а точнее, может быть, вещного) детерминизма глобальное распространение новых технологий имеет в качестве своего неизбежного следствия всемирное распространение не только вещей, но и сопутствующих им образцов и шаблонов поведения. Иными словами, научно-технический прогресс ведет к унификации культур, к последовательному вымыванию всего того, что отличает их друг от друга. И когда мы оказываемся в каком-нибудь огромном международном аэропорту, где люди из самых разных уголков планеты без видимых затруднений пользуются персональными компьютерами и мобильными телефонами одних и тех же производителей, унифицирующая сила научно-технической глобализации, как кажется, предстает перед нашими глазами со всей очевидностью.

А теперь попробуем изменить ход нашего рассуждения. Обратим особое внимание на то, что технология, когда она начинает осваиваться человеком, погружается в мир тех смыслов и значений, которые задаются и поддерживаются культурой. Иными словами, новую технологию воспринимает не *tabula rasa*, а человек, укорененный в той или иной из множества культур, существующих в современном мире. И когда он начинает эту технологию применять, он делает это, ориентируясь не только (и не столько) на ее инструментальные возможности, сколько на свои ожидания, ценности, интересы, на то, что задается ему культурой.

Встав на эту точку зрения, легко увидеть, что новые технологии могут не только нивелировать культурные различия, но и, напротив, усиливать, мультиплицировать их. Таким образом, небывалые возможности, открываемые новыми технологиями, позволяют сделать особенно наглядными, проявить (а подчас и выявить) те культурно-обусловленные различия, которые до сей поры не особенно бросались в глаза.

Чрезвычайно много примеров этой тенденции дают современные биотехнологии. Так, появившиеся несколько десятилетий назад технологии пренатальной (предродовой) диагностики позволяют на эмбриональной стадии развития плода определять его пол. Очевидно, в самой по себе такой диагностике нет ничего культурно-специфического, и она бывает весьма полезной, если речь идет о генетических дефектах, сцепленных с полом. Есть такие генетически обусловленные заболевания, как, скажем, миодистрофия Дюшенна, которые встречаются только у мальчиков. Если в семье, где один из родителей яв-

ляется носителем соответствующего гена, проведена диагностика, показывающая, что мама беременна мальчиком, то можно будет принять соответствующие меры, вплоть до искусственного прерывания беременности, чтобы в последующем избежать тяжелых страданий ребенка. В этом случае цель применения диагностической технологии можно считать медицинской.

Но в некоторых культурах технологии пренатальной диагностики пола будущего ребенка стали применяться в совсем других целях, для того чтобы посредством аборта предотвратить рождение ребенка нежелательного пола. Чаще всего таким нежелательным полом оказывается женский. Это бывает связано с тем, что существующие культурные нормы и обычаи делают устройство будущего девочки весьма непростой, нередко чрезвычайно накладной проблемой. Как известно, природой установлено такое соотношение: на каждые 100 девочек рождается 105–106 мальчиков. Поскольку девочки более жизнеспособны, к достижению репродуктивного возраста это соотношение выравнивается. Сегодня, однако, в некоторых азиатских странах (и не только в них) это соотношение существенно меняется — оно составляет 110:100, 115:100 и даже 122:100! В целом диагностика пола зародыша стала сегодня общепринятой технологией едва ли не во всех странах мира. Но, как мы видим, эффект ее применения зависит от норм соответствующей культуры.

Еще один пример — технологии трансплантации органов и тканей человека. В этой сфере возникают следующие вопросы. Кому принадлежат органы человека, и что означает их принадлежность кому-либо? Кто вправе распоряжаться органами умершего? Где пролегает грань между жизнью и смертью? Все они по-разному понимаются и решаются в разных культурах, а технологический прогресс в сфере трансплантологии позволяет проявиться этим различиям в полной мере.

Современный научно-технический прогресс вооружает человека все более могущественными средствами. Они могут использоваться для достижения не только таких целей, которые уже находятся на горизонте человеческих ожиданий, но и служить тем фундаментом, отталкиваясь от которого, люди начинают задумываться о целях, совсем недавно казавшихся фантастическими или просто невыполнимыми. Следует только заметить, что эти средства — новейшие технологии — являются только лишь фундаментом того знания, архитектор которого обитает в мире культуры.